

Онтологическая логика абсурда Александра Зиновьева¹

Л.В.Поляков - доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета - «Высшая школа экономики» (Россия, Москва 109208 Покровский бульвар 11); Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского

Аннотация.

В статье предпринимается попытка описать логику трансформации логической концепции Александра Зиновьева, обозначенной им самим как «комплексная логика» в художественный текст особого жанра – «социологический роман». При этом поиск Зиновьева сопоставляется с центральной задачей Гегеля в его трёхтомнике «Наука логики» и с парадоксальными исходными посылками «Логико-философского трактата» Л.Виттгенштейна. Единство логики, гносеологии и онтологии, постулированное Зиновьевым, оборачивается открытием глубинного нередуцируемого абсурда советского социума. Что позволяет Зиновьеву исследовать онтологический абсурд в его социальной проекции.

Ключевые слова: логика, онтология, социологический роман, парадокс, абсурд

Abstract

This paper is an attempt to explicate the logic of transformation Alexander Zinoviev's logical conception, designated by him as "complex logic", into original genre of literature – "sociological novel". To understand this process more deeper, I have compared Zinoviev's search with Hegel's definition of logic as a science and with paradoxical presumptions of "The Logical-Philosophical Tractatus" by L.Wittgenstein. symbiosis of logic, epistemology and ontology radically affirmed by Zinoviev, had given him the opportunity to discover profound irreducible absurd of the Soviet society. And thus to

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>; Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского

move down the road of study the ontological absurd immanent for societal structures as such.

Key words: logic, ontology, sociological novel, paradox, absurd/senselessness

Александр Зиновьев в бытность свою советским философом считался одним из самых выдающихся специалистов в области логики. При чём считался не только (и не столько!) в Советском Союзе, сколько за границей. Например, в – в ГДР, где у него была целая школа учеников. Или – в Финляндии, где он был избран членом Академии наук. Его труды по логике издавались и переиздавались и в СССР, и зарубежом.

Но что значит быть в философии - логиком? Может ли вообще философ как таковой не быть – логиком!? В том смысле, что для философа в отличие от обычного человека способность мыслить по правилам и при этом рефлексировать сам процесс своего мышления – условие, что называется, *sine qua non*. Во всяком случае это так в отношении западной философской традиции, берущей своё начало от текстов Платона. Хотя некоторые представители этой традиции, скажем – Фридрих Ницше – умели мыслить по своим собственным правилам, не претендуя, однако, на выход за пределы классической формальной аристотелевской логики.

Конечно, ещё до Ницше его величайший соотечественник Георг Вильгельм Фридрих Гегель (Егор Фёдорович – так его именовали первые русские гегельянцы 30-40-х гг. XIX в. – М.Бакунин, А.Герцен, В.Белинский) создал или, точнее, заложил основания того, что в дальнейшем в советской марксистской традиции стало именоваться «диалектической логикой». При этом сам Гегель действительно создал «Науку логики», которую он считал своим высшим достижением, поскольку в ней воплотилось «абсолютное знание». Во вполне определенном смысле: «Абсолютное знание, - разъяснял он, - есть истина всех способов сознания, потому что, как показало [описанное в «Феноменологии духа»] движение сознания, лишь в абсолютном знании полностью преодолевается разрыв между *предметом* и *достоверностью самого себя*, и истина стала равна этой достоверности, так же, как и эта достоверность стала равной истине» [7;102].

Для полного понимания идеи «Науки логики» нужно привести ещё и такую цитату: «Логиком, стало быть, следует понимать как систему чистого разума, как

царство чистой мысли. *Это царство есть истина, какова она без покровов, в себе и для себя самой.* Можно поэтому выразиться так: это содержание, есть изображение Бога, каков Он в своей вечной сущности до сотворения природы и *какого бы то ни было конечного духа»* [7;103].

А для полного понимания того, каково соотношение логики и собственно философии у Гегеля как философа, стоит напомнить, что в его «Энциклопедии философских наук» есть ещё «Философия природы» и «Философия духа». И что ещё у него есть «Лекции по философии истории», «Философия права», «Философия религии», четырёхтомная «Эстетика». То есть, «узнав мысль Бога» (как век спустя выразился Альберт Эйнштейн), Гегель в дальнейшем мог работать с «детальями» - раскрывая на специфическом материале выявленную ранее «чистую» / «божественную» логику.

Если кого-то смущает постановка Александра Зиновьева в один ряд с Фридрихом Ницше и «Егором Фёдоровичем» Гегелем, то совершенно напрасно. Уже хотя бы потому, что Зиновьев сумел одновременно раскрыться и как восприимчив парадоксальной логики ницшевского Заратустры (см.: роман «Иди на Голгофу!»), и как оригинальный гегельянец (см.: его кандидатскую диссертацию от 1954 г. «Метод восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» Карла Маркса).

Но «гегельянство» Зиновьева можно усматривать не только в той работе. Дело в том, что он в какой-то момент подобно Гегелю ощутил «недостаточность» формальной логики и, более того, даже логики математической – Гегелю ещё совершенно неизвестной. В чём эта недостаточность выражалась? Насколько можно понять из объяснений самого Зиновьева – в том, что аристотелевская логика как наука о «правильном мышлении» и математическая логика как предельная формализация самой «формальной логики» - они обе остаются как бы вне реальности мира, бытия как такового. «Правильное мышление» работает с внешним по отношению к этому мышлению миром как с объектом, у которого есть своя собственная – объективная логика. И вот эта разорванность «сознания» и «бытия» не устраивала Зиновьева именно как философа, а не как узкого специалиста по «логике».

В результате Зиновьев фактически повторяет путь Гегеля, пытаясь создать такую логическую систему, в которой была бы выявлена логика самого бытия. И был бы реализован принцип Спинозы, согласно которому – «порядок и связь идей тот же, что порядок и связь вещей».

Вот как обрисовал сам Зиновьев цель и смысл своего логического изобретения: «Согласно моей логической теории, которую я назвал комплексной логикой, предмет логики как особой науки - язык. Но язык не вообще во всем многообразии его признаков и функций в человеческой жизни, а лишь в одном его качестве, составляющем его социальную сущность, а именно - как вещный (материальный) способ существования человеческого сознания, искусственно изобретенный людьми, а не наследуемый биологически, отделяемый от человеческого тела, а не остающийся в его мозгу, как средство познания людьми окружающего их мира, включая их самих и их жизнедеятельность, как знаковое средство фиксирования приобретаемых людьми знаний, их хранения и передачи новым поколениям, как средство использования людьми приобретенных знаний для получения новых знаний и в практической жизнедеятельности. При всем этом логика имеет свой специфический (только ей свойственный) подход к языковым явлениям»[4].

Следует отметить то обстоятельство, которое подтверждает мой тезис о Зиновьеве как аутентичном «гегельянце», а именно – его концентрация на проблеме языка как «вещного (материального) способа существования человеческого сознания». Эту проблему сам Гегель решил как бы походя – даже не замечая её именно как проблему! Он просто заговорил на совершенно особом, до него не существовавшем немецком языке, изобретая понятия, без которых сам процесс перехода изначальной логики «Бога» или «Абсолютной идеи» невозможно описать. И, следовательно – понять. Не случайно исследователи философии Гегеля до сих пор продолжают спорить о точных смыслах некоторых понятий его «Науки логики».

Зиновьев, ни в коей мере не являвшийся гегельянцем в смысле допущения в качестве необсуждаемой предпосылки существования «Бога» как «Абсолютной идеи», но при этом стремившийся реализовать принцип Спинозы, обратил внимание на того «посредника», без которого невозможна коммуникация между миром «идей» и миром «вещей». То есть – общение между человеческим «сознанием» и осознаваемым этим человеком «бытием». Разумеется, сама постановка вопроса о языке выводила философию за пределы сформулированного ещё Фридрихом Энгельсом «основного вопроса философии». Не первичность бытия и вторичность сознания интересовала Зиновьева, а процедура «перевода» логики человеческого познания в «логику» самого познаваемого.

Именно поэтому Зиновьев уточняет своё понимание и предназначение «комплексной логики» таким образом: «Свою концепцию я назвал нетрадиционной, нестандартной или комплексной логикой. Последнее название я выбрал не столько с целью подчеркнуть отличие моей концепции от других, сколько с целью обратить внимание на то, что должное решение важнейших проблем логики может быть достигнуто именно на пути их рассмотрения в комплексе, а не по отдельности, не изолированно друг от друга. В частности, нельзя должным образом осуществить логическую (формальную) обработку языка как орудия научного познания, игнорируя предметное значение языковых выражений, т.е. их онтологический аспект. Нельзя логически строго описать явления бытия, игнорируя языковые средства и методы их познания. Нельзя логически строго описать методы научного исследования, не привлекая языковые средства фиксации знаний и оперирования ими. Короче говоря, три ветви старой философии - формальная логика, гносеология и онтология - должны быть слиты в нечто единое при систематическом построении логики в современных условиях в науке» [4].

Очень возможно, что Зиновьев, строго следуя поставленной задаче объединить в органичное целое логику, теорию познания и бытие, действительно пошёл бы путём Гегеля. И, вполне допускаю, что создал бы философскую конструкцию, не уступающую по своей масштабности той же гегелевской. По моему, философия в отличие от всех других видов человеческой деятельности, это деятельность, устремлённая в бесконечность. И несмотря на объявленный Энгельсом «конец немецкой классической философии», эта самая «классика» продолжает существовать даже условиях так называемого «постмодернизма». Но путь Зиновьева как философа оказался иным в первую очередь из-за того, что он в своей «триаде» под бытием подразумевал именно человеческое – социальное бытие. Такой поворот в онтологии был предопределён именно тем, что Зиновьев нацелился на изучение языка, посредством которого человек «переводит» ноуменальную логику своей гносеологии в феноменологию своего социального бытия.

Был и ещё один момент, определивший, на мой взгляд, неизбежность того жизненного маршрута, который повёл Зиновьева сначала во внутреннюю, а затем и во вполне внешнюю эмиграцию, растянувшуюся на 21 год. Дело в том, что Зиновьев при всём своём гегелевском «замахе», оставался вполне осознанным и принципиальным эмпириком. Он, хотя и видел в перспективе создание некой науки

об обществе как таковом (что даёт повод размышлять в направлении Огюста Конта), ставил перед собой более конкретную и жизненно более важную задачу: создать науку о конкретном – советском обществе.

Вот как он сам об этом говорит: «Все то, что писалось и говорилось о советском обществе, имело мало общего с тем, что я наблюдал сам. Чтобы понять, что из себя представляет это общество на самом деле, я для этого нуждался в общей научной социологической теории. Познакомившись с марксизмом и немарксистскими учениями об обществе, я установил, что они не годятся для достижения моей цели. Я должен был выработать подходящее учение сам. Но для этого, в чем я убедился при попытках построить такое учение, нужны были методы познания, которые могли быть выработаны только в рамках логики и средствами логики. И я обратился к изучению логики» [4].

Что было потом – мы уже знаем. Как знаем и то, какую форму обрела попытка понять логику советского общества. В 1976 году в Швейцарии вышла книга Александра Зиновьева под названием «Зияющие высоты», ставшая первой в открытом им жанре – «социологический роман». В самом слове «социо - логия» уже содержится то, на что нацелился Зиновьев, изобретший «комплексную логику». Логика общества, сначала конкретного советского общества, затем логика западного общества и, наконец, логика общества постсоветской России – вот что стало «драйвером» для Зиновьева на все последующие годы.

В «Зияющих высотах» логика парадокса, а если честно – то логика очевидного абсурда, начинающегося с самого названия, представлена в максимально доступном для читателя виде. Жизненные ситуации, в которых живут и в которые всё время попадают жители посёлка городского типа «Ибанск», кажутся совершенно обычными, естественными и вполне нормальными. Но все попытки выявить их логику, их закономерность и вообще – познаваемость, как правило, обрываются на признании того, что всё вокруг – один сплошной абсурд. И это – нормально!

Есть в романе глава под названием «Парадоксы». Зиновьев передаёт в ней диалог двух персонажей: Мазилы и Болтуна. Первый – это, разумеется, художник и близкий друг Зиновьева Эрнст Неизвестный. Болтун – персонаж, отчасти воплощающий самого Зиновьева. Хотя сам автор как таковой в романе никаким специальным персонажем не представлен. Вот о чём они беседуют:

«Но нельзя же совсем без надежд и иллюзий, говорит Мазила. Больше нельзя с надеждами и иллюзиями, говорит Болтун. Да их уже фактически и нет. И

людям не становится от этого хуже. Ты нарочно придумываешь всему форму парадокса, говорит Мазила. Наоборот, говорит Болтун. Я из чудовищно парадоксальных форм бытия стремлюсь извлечь мало-мальские правильные фигуры. Вот смотри! Наше население прекрасно знает, что собой представляет наша система жизни. И знает, что эта система далеко не идеальна, как об этом трубят газеты, радио, телевидение, кино, книги. Вместе с тем эта система удобна для подавляющего большинства населения. Оно поносит свою систему во всех звеньях и на всех уровнях. Но не сменяет её добровольно ни на какую иную! Наше руководство, по идее, должно гордиться не тем, что руководит наилучшей из всех мыслимых систем. Это теперь не их заслуга. Оно, по идее, должно гордиться тем, что несмотря на нашу систему, за которую оно не несёт никакой ответственности, оно сумело добиться чего-то выходящего за рамки этой системы. А что происходит? Не стоит продолжать, говорит Мазила. Я сам всё время хожу кругами, но мне казалось, что я заблуждался. А оказывается, что это и есть прямая дорога»[1;312].

На мой взгляд, признание Мазилы в том, что хождение по кругу и есть «прямая дорога», представляет собой самую точную и самую наглядную метафору онтологического абсурда, который Болтун называет «чудовищно парадоксальным бытием». И у этого абсурда есть, непременно есть, своя логика. Её можно попытаться вскрыть, создавая коллаж из разнообразных бытовых сцен в ПГТ «Ибанск». А можно, как это сделал Зиновьев уже в эмиграции в 1980 году, написать научный трактат «Коммунизм как реальность», за который ему была присуждена высшая французская награда за работы по социологии – премия им. Алексиса де Токвиля.

Интересный вопрос возникает: в каком из жанров своего творчества Зиновьев в наибольшей полноте воплотил почти-гегелевский замысел комплексной логики? В таких классических научных трактатах, как «Коммунизм как реальность», «Кризис коммунизма», «Идеология партии будущего», «Фактор понимания»? Или в социо-логических романах «Зияющие высоты», «Номо Sovieticus», «Иди на Голгофу!», «Русский эксперимент», «Русская трагедия»? Я предполагаю, что и сам Зиновьев на этот вопрос вряд ли бы однозначно ответил, если бы вообще согласился отвечать. Но, на мой взгляд, можно говорить о том, что оба эти жанра, взятые в совокупности, как раз и реализуют проект «многозначной логики». В виде описания *парадоксальной логики* советского общества в научных

трактатах, и в виде выявления глубинной *абсурдности социального бытия* в социо-логических романах.

Можно предположить, что древнегреческий «парадокс» (*παράδοξος*) и древнеримский абсурд (*absurdum*) – не так уж далеки друг от друга по смыслу. Но на самом деле – различие серьёзное. В первом случае подразумевается *высказывание*, противоречащее общепринятому мнению относительно какого-либо предмета, явления или события. Не исключено, что это мнение может быть ошибочным, и тогда парадокс помогает найти истину. А во втором случае подразумевается нечто, *абсолютно невозможное*, противоречащее самому бытию как таковому. Абсурд – это то, чего не может быть по природе самой вещи или явления. Или, в терминах комплексной логики: парадокс есть то, что относится к сфере гносеологии, а абсурд – к сфере онтологии.

Но если парадокс есть способ (один из способов) нахождения «истины», то в чём смысл абсурда как бессмыслицы?! Может быть как раз именно в том, что составляет фундаментальную посылку экзистенциализма: признание того, что в самом бытии, т.е. в экзистенции нет и не может быть никакого смысла – *essentia*?! А если так, то можно само отсутствие изначального смысла обозначать именно термином – абсурд, т.е. бессмыслица?! Бытие, не содержащее в себе никакого, адресуемого человеку смысла, есть просто чистый абсурд. Но, при этом, оказывается возможным при наполнении бытия определённым смыслом – например, презумпция Бога как это есть в философии Гегеля – всё равно включить «логику абсурда». *Credo quia absurdum est!* Даже если этих слов не говорил Тертуллиан, всё равно он искал доказательство «Истины» (Христа) именно через указание на «бессмыслицу», на онтологическую невозможность того, что свойственно Христу-Богу.

Абсурдную логику Зиновьева можно было бы развёрнуто продемонстрировать на его социо-логическом романе «Иди на Голгофу!» Но этот роман заслуживает совершенно отдельного фундаментального исследования – в не меньшей степени, чем «Зияющие высоты». А если кратко и в концентрированно наглядном виде, то я бы сослался на стихотворение Зиновьева «Молитва верующего безбожника»:

Установлено циклотронами
В лабораториях и в кабинетах
Хромосомами и электронами
Мир заполнен. Тебя в нем нету.

Коли нет, так нет. Ну и что же?!
Пережиток. Поповская муть.
Только я умоляю: Боже!
Для меня ты немножечко будь!
Будь пусть немощным, не всесильным,
Не всеведущим, не всеблагим,
Не провидцем, не любвеобильным,
Толстокожим, на ухо тугим.
Мне-то, Господи, надо немного.
В пустяке таком не обидь.
Будь всевидящим, ради Бога!
Умоляю, пожалуйста, видь!
Просто видь. Видь, и только.
Видь всегда. Видь во все глаза.
Видь, каких на свете и сколько
Дел свершается против и за.
Пусть будет дел у тебя всего-то:
Видь текущее, больше - ни-ни.
Одна пусть будет твоя забота:
Видь, что делаю я, что - Они.
Я готов пойти на уступку:
Трудно все видеть, видь что-нибудь.
Хотя бы сотую долю поступков.
Хотя бы для этого, Господи, будь!
Жить без видящих нету мочи.
Потому, надрывая грудь,
Я кричу, я воплю: Отче!!
Не молю, а требую Будь!
Я шепчу, я хриплю: Будь же, Отче!!!
Умоляю, Не требую: Будь!!!![2,204-205]

Установлено «циклотронами» - Бога нет. И быть не может. Наличие Бога в мире, который исследован вдоль и поперёк, представляет собой самый невозможный Абсурд. И, тем не менее Зиновьев умоляет допустить этот «абсурд» - для себя, «хоть немножечко». Зачем? А потому что «жить без видящих нету

мочи». Невозможно, иными словами, допустить, что социальная онтология – это непроницаемая «тьма», которую невозможно просветлить никакими усилиями познающего эту «тьму» разума. И пусть будет Абсурд, пусть возымеет смысл бессмыслица! Та, что позволяет проникнуть в логику бытия.

Всё-таки, как настоящий гегельянец, Александр Зиновьев без обращения к Богу обойтись не смог. Не по слабости логики, а наоборот – по силе той «логики абсурда», которую он чувствовал и всю жизнь стремился открыть. Но в самом этом стремлении Зиновьев переставал быть гегельянцем и приобретал черты, роднящие его с Фридрихом Ницше. Нет, не в смысле изощрённого Богоборчества: Зиновьев не написал «Анти-Христа» и не констатировал, что «Бог умер». Но, максимально минимизируя Бога, сводя его к, условно говоря, «камере наблюдения», фиксирующей всё происходящее в доступном ей пространственно-временном диапазоне, Зиновьев совершает квази-ницшевскую интериоризацию Божественной инстанции.

В частности, в «Исповеди отщепенца» он так описывает эту операцию: «Настоящая вера начинается с того, что ты начинаешь думать и совершать поступки так, как будто существует кто-то, кто читает все твои мысли и видит все твои поступки, кто знает подлинную цену им. Абсолютный свидетель твоей жизни и высший судья всего связанного с тобою, должен быть в тебе самом»[3;67].

Эта позиция, которая может быть определена как «моральный солипсизм», представляется Зиновьеву «настоящей верой». И в этом, как обычно, обнаруживается очередной его парадокс. Традиционно под верой подразумевается отношение человека к чему-то вне человека существующему. То есть «вера» в существование чего-то / кого-то и есть, казалось бы, «настоящая вера». Но – нет. Умоляя Бога быть «хоть немножечко», Зиновьев и тут поступает парадоксально. Ведь доказано – Его нет и быть не может. Допущение обратного ломает строго научную, разумом человеческим нарисованную картину мира. И, чтобы этого не произошло, Зиновьев перемещает того, кто нигде не существует, в собственное психическое/ духовное пространство в качестве «Абсолютного свидетеля». Неприкосновенность научной картины мира достигнута, но какой ценой?

Да, зиновьевский «моральный солипсизм» не равнозначен ницшевскому имморализму (не путать с а-морализмом). Но право на установление самому себе ценностей, моральных в том числе, если не в первую очередь, по сути своей есть именно то право, о котором говорил ницшевский Заратустра. И такая «цена» вполне оправдана, поскольку помимо «солипсизма» морального, Зиновьев

постулирует ещё и «гносеологический солипсизм». Вот, например, такой тезис: «Истину говорят одиночки. Если многие разделяют твои убеждения, значит, в них есть удобная для них идеологическая ложь».[5;17]

Но почему же это так? Разве истина не есть раскрытие некой «тайны», чего-то ранее неизвестного, совершённое кем-то одним – но для всех?! Почему присоединение массы к открытой одиноким «умом» истине превращает её в нечто, если не прямо противоположное, то навсегда скомпрометированное соприсутствием «идеологической лжи»? Зиновьев готов дать этому такое объяснение: «Верные и глубокие идеи индивидуальны, ложные и поверхностные массовы. Народ в массе склонен к заблуждениям и сенсациям. Ум и глубина для него непонятны и оскорбительны. Уровень понимания обратно пропорционален числу понимающих. Степень эффективности социальных идей обратно пропорциональна их научности»[5;4].

Последняя фраза в этой цитате – ключевая. Противостояние «одиночки», открывающего «истину» и массы, данное открытие опошляющей (в чеховском смысле), происходит в пространстве «социальных идей». Или вообще – в социальности как таковой. И персонаж по имени Болтун объяснял художнику Мазиле, что само социальное бытие «чудовищно парадоксально», то есть фактически – абсурдно. Выдержать онтологический абсурд способен лишь тот, кто имеет в себе «Абсолютного свидетеля» и кто может взяться за работу по выявлению глубинной логики этого абсурда. А это и в самом деле мероприятие отнюдь не массовое.

В позиции «гносеологического солипсизма» Зиновьева есть соблазн усмотреть (что делали в прошлом и делают сегодня некоторые его критики) выражение некоего «высокомерия» и даже «мании величия». Но такой взгляд – следствие фундаментального непонимания той задачи, которую Зиновьев пытался решать не как социальная «тварь» («продукт общественных отношений» - согласно расхожей марксистско-структуралистской формуле), а как вне-социальный «Творец». То есть как тот, кто всерьёз воспринял «абсурд», кто сделал сам себя «Богом-созерцателем» человеческих деяний. Иными словами – как «философ».

А философ отличается от не-философа (человека обычного) именно тем, что деятельно «любит мудрость». Которая состоит в способности принимать как реальность бытие того, чего не может быть. И, приняв эту реальность, пытаться понять, почему и как она всё-таки есть – то есть выявить логику а-логичного, логику «абсурда». Если посмотреть на задачу Зиновьева с этой стороны, то следует

отметить, что он встраивается не только в ряд таких философских классиков как Гегель и Ницше. С его замыслом «комплексной логики» вполне коррелирует и проект Артура Шопенгауэра, который в трактате «Мир как воля и представление» (1819) системно объединил эпистемологию, онтологию, эстетику и этику.

А ещё я бы вспомнил «Логико-философский трактат» (1921) Людвига Витгенштейна. Упоминание этого имени кажется уместным и естественным особенно потому, что самого Зиновьева по большей части считают «логиком» (и потом – «писателем»). Но дело не в этом на поверхности лежащем сходстве. Дело в том, как сам Витгенштейн определял смысл своего трактата и задачу, которую он стремился решить. Вот что он писал: ««Основное содержание книги — этическое. . . Моя книга состоит из двух частей: одна — это то, что содержится в книге, плюс другая, которую я не написал. И именно эта вторая часть является важной. Моя книга очерчивает границу сферы этического как бы изнутри, и я убежден, что это — единственная возможность строгого задания этой границы»[Цит. по: 8; 34].

Парадоксально – не правда ли? Книга из двух частей, при этом вторую часть, которая «важная», автор не написал. Это уже вполне тянет на Абсурд, либо на откровенное издевательство над читателем. Но ведь основное содержание – «этическое», то есть персонализированное «социальное» либо «анти-социальное» (в случаях того же Ницше или Сократа), если понимать этику как самооправдание человека в со-присутствии других людей. А такое само-оправдание может осуществляться только через средство языка как инструмента познания, общения и оценки, - конструирующих интер-человеческую, иначе говоря, социальную реальность.

Последним из семи постулатов «Логико-философского трактата», изначально заданных Витгенштейном, является следующий: «То, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно; о чем нельзя говорить, о том следует молчать» [Цит. по: 8;8]. Витгенштейн поэтому и промолчал, не написав вторую часть трактата, но откровенно об этом упомянув – пусть даже в частном письме. Вопрос, тем не менее, напрашивается: а что это такое, о чём нельзя говорить? Нельзя – потому что кто-то запретил?! Или – потому что «мысль изречённая есть ложь»? Но тогда не является ли двойным абсурдом понятие «абсурдная истина»?

Один из возможных вариантов ответа таков: для Витгенштейна «непроговариваемое» – это тот абсурд социального бытия, та возможность невозможного, что, вопреки разумности ежеминутно реализуется в человеческой жизни. Правда, исследователи Витгенштейна утверждают, что в свой «поздний

период» он всё-таки занялся именно тем, что стал искать способы «выговаривания» того, что в «В логико-философском трактате» было запечатано императивом молчания. И тогда оказалось возможным признать, что не так уж абсурдно допущение «абсурдной истины», коль скоро она проявляется как «форма жизни». Во всяком случае, похоже, что именно в этом смысле можно понимать утверждение: «Истинным или ложным может быть только то, что люди говорят; а в языке люди согласны. Но это — не согласие мнений, а согласие форм жизни» [Цит. по: 8; 162].

Но, встраивая Александра Зиновьева в традицию Гегель - Шопенгауэр – Ницше – Витгенштейн, то есть философов, которые так или иначе находили способ преодоления «абсурда бытия» (то ли открывая в нём разумность «Абсолютной идеи» как Гегель, то ли предпочитая об этом молчать, как Витгенштейн), нужно учитывать одно важное обстоятельство. Зиновьев - это не просто «логик и писатель». Зиновьев – философ, который работал одновременно в двух, так сказать, форматах. В «комплексной логике» и в «социо-логическом романе».

Комплексность подразумевала включение *онтологии* – т.е. социального/человеческого бытия с целью выработки *методологии его познания*, и, следовательно, выявления *логики* «Абсурда».

А в формате «социо-логического романа» он давал возможность этому «Абсурду» раскрывать самого себя либо через «оперсоненные» законы социальности, либо через возведённые в статус «законов» персоны коммунальности. И в этом отношении Зиновьева можно встраивать в другую – художественную традицию, в какой-то мере идущую от щедринского «города Глупова» через наших ОБЭРИУтов (Александр Введенский и Даниил Хармс) к Сэмюэлю Беккету и Эжену Ионеско. У всех у них обнаруживается одна и та же общая интенция: попытаться осмыслить бессмыслицу, заставить проговариваться укрытую в глубинах социального бытия логику невозможного.

При этом существенно помнить, что выход Зиновьева на двухформатный способ философствования не был результатом чистой «игры разума». Как свидетельствует жена философа, превращение логика в писателя было настоящим поступком, волевым выбором в условиях экзистенциального конфликта Зиновьева со средой в самом широком смысле. Не в угоду интеллектуальной прихоти, а в качестве доказательства того, что человек как «мыслящий тростник» Блеза Паскаля способен выстоять под ударами, казалось бы, всё сокрушающей стихии, Зиновьев написал «Зияющие высоты».

«Переход из логики в литературу, - утверждает Ольга Зиновьева, - явился проявлением глубочайшего душевного перелома в жизни Александра Александровича. Поэтому я отвергаю всякие параллели и сравнения его творчества и судьбы с судьбой тоже логика и тоже писателя Льюиса Кэрролла. В судьбе последнего не было той драмы, через которую суждено было пройти автору “Зияющих высот”» [6].

И в самом деле: попробуйте представить себе Алису не в «Стране чудес», а в посёлке городского типа «Ибанск». Пожалуй, лучше не пробовать...

Источники:

1. Александр Зиновьев. Зияющие высоты. Книга первая. М.; ПИК. Независимое издательство, 1990.
2. Александр Зиновьев. Зияющие высоты. Книга вторая. М.: ПИК – Независимое издательство, 1990.
3. Александр Зиновьев. Русская судьба. Исповедь отщепенца. М.: Изд-во Канон-Плюс. 2021.
4. А.А.Зиновьев. Комплексная логика. // Вопросы философии, 2003, №1 - http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=327&Itemid=55
5. Александр Зиновьев. Дацзыбао (афоризмы и крылатые фразы). М.: Библиографический институт им. Александра Зиновьева, 2022.
6. О.М.Зиновьева. От «Философских проблем многозначной логики» до «Зияющих высот». // Вопросы философии, 2013, №? - http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=706&Itemid=5
7. Гегель, Георг Вильям Фридрих. [Наука логики. В 3-х тт. Т.1](#), Москва: Мысль, 1970/
8. Сокулер З.А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века. М.: Изд-во ВШЭ, 1994.

*Поляков Леонид Владимирович, доктор философских наук, профессор
Департамента политики и управления факультета социальных наук
Национального исследовательского университета - «Высшая школа экономики»,*

почетный профессор Русской христианской гуманитарной академии имени Ф.М.

Достоевского. Тел: +7 9037998764; E-mail: lpolyakov@hse.ru